

ЗАМЕТКИ ОБ АКМЕИЗМЕ

III ⁺)

Р. Д. ТИМЕНЧИК

13 апреля 1911 в Обществе ревнителей художественного слова Гумилев прочел стихотворение "Блудный сын" (I, 196)¹ и был резко раскритикован Вячеславом Ивановым. Ахматова называла "Блудного сына" первой акмеистической вещью Гумилева, а почти скандальное обсуждение в Академии Стиха считала первым толчком к разрыву Гумилева с "Башней" и к созданию Цеха поэтов.²

Через полтора месяца, 3 июня, Гумилев написал из Слепнева письмо Вячеславу Иванову: "... я написал здесь несколько стихотворений в новом для меня духе и совершенно не знаю - хороши они или плохи. Прочтите их, и если решите, что они паденье или нежелательный уклон моей поэзии, сообщите мне или Зноско-Боровскому,³ который мне напишет, и я дам в 'Аполлон' другие стихи. Если понравятся, пошлите в 'Аполлон' их вместе с Вашими. Этим Вы докажете, что Вы относитесь ко мне достаточно хорошо, чтобы быть строгим, и еще не отреклись от всегда сомневающегося, но всегда преданного Вам ученика Н. Гумилева".⁴

Почтительный тон письма не лишен лукавства. Печать стихи в *Аполлоне* Гумилев смел и без санкции Вяч. Иванова.⁵ Но вот одно из четырех посланных на пробу стихотворений могло быть истолковано как аллегория взаимоотношений преданного ученика с хозяином "Башни", и видимо, одна из целей письма - проверка внятности и возможности такой интерпретации с предоставлением адресату права вето на публикацию. Стихотворение называлось "Неизвестность" и было написано 27 мая 1911 в альбом Маши Кузьминой-Караваевой:⁶

Замирает дыханье, и ярче становятся взоры
Перед сладко-волнующим ликом твоим, Неизвестность,

⁺) №I в *Russian Literature* 7/8, 1974;
№II в *Russian Literature* V-3, 1977.

Как у путника, дерзко вступившего в дикие горы,
И смущенного видеть еще неоткрытую местность.

В каждой травке намек на возможность несбыточной встречи,
Этот грот – обиталище феи всегда легкокрылой,
Миг... и выйдет, атласные руки положит на плечи
И совсем замирающим голосом вымолвит: "милый!"

У нее есть хранитель, волшеббно-ревнивый и страшный,
Он отмстит, он, как сетью, опутает душу печалью.
...И поверить нельзя, что и здесь, как повсюду, всегдашний,
Бродит школьный учитель, томя прописною моралью.

Нетрудно заметить, что это стихотворение легко проецируется на сюжет, изложенный в ахматовской заметке "К истории акмеизма": "Всего нужнее понять характер Гумилева и самое главное в этом характере: мальчиком он поверил в символизм, как люди верят в Бога. Это была святыня неприкосновенная, но, по мере приближения к символистам, в частности, к "Башне" (В.Иванов), вера его дрогнула, ему стало казаться, что в нем поругано что-то".

Два другие из четырех посланных стихотворений:⁷

В саду

Целый вечер в саду рокотал соловей,
И скамейка в далекой аллее ждала,
И томилась весна... Но она не пришла,
Не хотела, иль просто пугалась ветвей.

Оттого ли, что было томиться невмочь,
Оттого ли, что издали плакал рояль,
Было жаль соловья, и аллею, и ночь,
И кого-то еще было тягостно жаль.

– Не себя! Я умею быть светлым, грустя;
Не ее! Если хочет, пусть будет такой;
... Но затем этот день, как больное дитя,
Умирал, неотмеченный Божьей Рукой.

Лиловый цветок

Вечерние тихи заклатья,
Печаль голубой темноты,
Я вижу не лица, а платья,
А может быть, только цветы.

Так радуется серо-зеленый,
Живой и стремительный весь,
И может быть, к счастью влюбленный
В кого-то чужого... не здесь.

Но душно мне... Я зачарован;
 Ковер подо мной, точно сеть;
 Хочу быть спокойным - взволнован,
 Смотрю, - а хочу не смотреть.

Смолкает веселое слово,
 И ярче пылание щек:
 То мучит, то нежит лиловый
 Томящий и странный цветок.

Оба стихотворения, особенно "В саду", действительно неожиданны для Гумилева 1911 года - модерниста, лидера "аполлоновцев" и строгого критика текущей поэзии. Гумилев пишет о "падении" - и действительно налицо возвращение к уже успевшей впасть в уничтожение литературной манере, к "словесным клише, стертым до отчаяния" у "эпигонов 'школы' Апухтина, Надсона и Фруга" (IV, 222). Таким эпигоном Гумилев называл Фофанова. Фофанов умер 17 мая 1911, и Гумилев писал в некрологе: "В эпоху затишья восьмидесятых и девяностых годов он говорил о свете добра, о весне, мае, соловьях и ландышах и заставлял себя слушать" (IV, 369). Стихотворение "В саду", насыщенное стертыми клише, возможно, связано по времени с перечитыванием или воспоминанием о стихах Фофанова.

Другой источник стилистики гумилевского стихотворения (как и поэзии Фофанова) можно усмотреть в поэзии Фета. Ожидание свидания в саду при соловье под звуки рояля - ситуация, суммирующая ряд стихотворений Фета: "Я жду... Соловьиное эхо...", "Я был опять в саду твоём...", "Люди спят, мой друг, пойдем в тенистый сад...", "Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...". Воспроизведена и фетовская "тревога полочувств" (по слову Аполлона Григорьева): "Мне жаль и фонтана ночного, | Мне жаль и жуков заревых, | Мне жаль соловья заревого, | И ночи цветов распускных" ("Вечерний сад"). Но известно, что фетовская поэтика была всегда чужда Гумилеву. Ср. запись в дневнике Блока 22 октября 1920: "Гумилев и Горький. Их сходства: волевое, ненависть к Фету и Полонскому - по-разному, разумеется" (Гумилев заявил Блоку, что считает Фета бездарным. Один из последних литературных разговоров Гумилева - 1 августа 1921 с Я. П. Гребенщиковым в магазине *Книжный угол* - был о Фете).

В предшествующих стихах Гумилева таких переключек с послефетовской традицией как будто нет. Л. Войтоловский, специально поставивший себе целью указать все заимствования в сборнике *Жемчуга*, смог назвать только Пушкина, Гейне, Тургенева, Сологуба, Блока, Брюсова.⁸

Источник новизны "стихотворений в новом духе" и направление "уклона" вскрыл Вячеслав Иванов. В ответном письме к Гумилеву он оценил присланные стихи: "Много

Анненского, но это вовсе не дурно. Восхищения не испытал. Печатать советую, если Вы не ограничиваетесь стихотворениями безупречными и вполне оригинальными".

Можно предположить, какие тексты Анненского в первую очередь имел в виду Вяч.Иванов. Вероятно, наиболее "анненской" является концовка стихотворения "В саду". Ср. у Анненского:

Своим грехом неотмоленным
Томится День пережитой.

(*"Тоска возврата", Тихие песни*)

Ср. также стихотворение "Еще один":

И пылок был, и грозен День,
И в знамя верил голубое,
Но ночь пришла, и нежно Тень
Берет усталого без боя.

Как мало их! Еще один
В лучах слабеющей Надежды
Уходит гордый паладин ...

(*Тихие Песни*)

Укажем также на стихотворение В.И.Анненского-Кривича "Праздник", которое Анненский приводил в статье "О современном лиризме", отмечая "верный вкус и много отчетливой, хотя и не солнечной, а скорее электрической ясности":

Умирал больным и пьяным
Красный День календаря.⁹

Тема умирающего ребенка легко связывалась с образом лирики Анненского. Так, Сергей Бобров, по поводу строки Маяковского

Я люблю смотреть, как умирают дети

вспомнив, несомненно, заключение "Тоски припоминания" из *Кипарисового ларца* -

...Я люблю, когда в доме есть дети
И когда по ночам они плачут, -

утверждал, что у Маяковского "большое влияние Анненского налицо".¹⁰

На счет Анненского мог быть отнесен мотив жалости к соловью, аллее, умирающему дню, ночи, обиженным "обманувшим свиданьем". Еще при жизни поэта Гумилев писал: "Есть обиды, своя и чужие, чужие страшнее, жалчее.

Творить для Анненского - это уходить к обидам других, плакать чужими слезами и кричать чужими устами, чтобы научить свои уста молчанью и свою душу благородству" (IV, 221). Ср. в его стихотворении "Памяти Анненского": "В них плакала какая-то обида" (I, 211). О "ноте жалости" у Анненского сказал и Вяч.Иванов: "Жалость как неизменная стихия всей лирики и всего жизнечувствия делает этого полу-француза, полу-эллина времен упадка, - глубоко русским поэтом, как бы вновь приобщает его нашим родным христианским корням".¹¹ Впоследствии об этом писали неоднократно: А.Булдеев ("Две ноты - покаяние и жалость - господствуют в мире Анненского")¹², Д.П.Святополк-Мирский ("Мотив жалости у него всегда недалеко - 'Все та же шинель Акакия Акакиевича', по выражению одного из акмеистов")¹³ и др. Наконец, в ахматовской строфе об Анненском 1945 года:

Всех пожалел, во всех вдохнул томление...

Существенны не столько словарные совпадения с Анненским в стихотворениях "В саду" и "Лиловый цветок", сколько установка на "психологический конструктивизм" (как называл метод Анненского Мандельштам) через воссоздание особого, свойственного Анненскому пространства¹⁴: строго определенное место поэта (сад) с проницаемой границей-завесой (ветви), двучленное строение пространства (аллея-ветви-небо), неприятие смерти и утверждение, что любое страдание лучше смерти, движение от "сильного" к "слабому" - на этом основано противопоставление серо-зеленого и лилового цветков во втором стихотворении. Кстати, "лиловый" не принадлежит к самым частым цветовым определениям в *Кипарисовом ларце* (см. список их по данным В.Н.Топорова),¹⁵ но памятен ("лиловея") по стихотворению "Аметисты"¹⁶ и сопутствовал ассоциациям с поэзией Анненского у читателей 1910-х годов. В связи с эпиграфом "Холодный сумрак аметистов" к стихотворению Михаила Зенкевича "Сумрак аметистов" (*Дикая порфира*, 1912) Д.С.Усов писал: "И эпиграф из Анненского свидетельствует о том, что некоторые стороны мира - преимущественно его манящая краса - будут восприняты в тонах этого поэта: у берегов заводов, 'где солнце ищет берега, так упоительно застыли лилово-красные снега'".¹⁷ А в рецензии на *Четки* Д.Усов начинал список "совпадений с И.Анненским" ахматовским стихом "Лиловый сумрак гасит свечи".¹⁸

Угаданный Вяч.Ивановым "уклон" двух гумилевских стихотворений в сторону Анненского, вероятно, вызвал метаописательные по отношению к поэтическому миру Анненского мотивы:

Я вижу не лица, а платья

(Ср. у Анненского "Буддийскую мессу в Париже":
И платья рёше и маuve в немного яркой раме <...>
Вы в памяти моей сегодня оживете.)

А может быть, только цветы

(Ср. у Анненского "Тринадцать строчек":
Я люблю только ночь и цветы...).

Гумилевское "Я вижу не лица..." следует сопоставить с написанным в том же году ахматовским "Подражением И. Ф. Анненскому", написанным, как и гумилевские стихотворения, от лица лирического героя, близкого Анненскому по своему "душевному складу":¹⁹

Возникают, стираются лица...

Кстати говоря, весьма вероятно, что заглавие этого ахматовского стихотворения - шаг до известной степени вынужденный, задним числом введенная мотивировка слишком очевидной стилистической близости к Анненскому. Не эту ли ситуацию вспомнил Гумилев, когда писал о Г. Адамовиче: "для одного стихотворения пришлось даже взять эпиграф из 'Баллады' Иннокентия Анненского, настолько они совпадают по образам" (IV, 358).²⁰ Сам Гумилев, однако, этим спасительным приемом не воспользовался и стихотворения "В саду" и "Лиловый цветок" в печать не отдавал никогда.

Оставив открытым вопрос, насколько "сознательно" Гумилев писал оба эти стихотворения "под Анненского", обратим внимание на то, что 24 мая 1911 он послал из Слепнева Брюсову стихотворение "В узких вазах томленья умирающих лилий..." (в варианте: "В вазах было томленья умирающих лилий..."), первый стих которого мог быть навеян циклом "Лилии" из *Тихих песен*, а "креол с лебединой душой" Леконт де Лиль (которого переводил и о котором неоднократно писал Анненский)²¹ описан той же формулой, что и "последний из Царскосельских лебедей" в *Памяти Анненского*:

Мы не раз открывали шелковистые томы
И читали спокойно и шептали: не тот! (I, 164)

...Не понимая, что все это значит,
Но только чувствуя - не тот. (I, 211)

"Тень Анненского" в гумилевских стихах мая-июня 1911 года могла появиться в цепочке мотивов, связанных с мадригальным обликом владелицы альбома, в который они вписывались - вскоре вслед за ними было внесено стихотворение "Девушке":

Героиня романов Тургенева,
 Вы надменны, нежны и чисты,
 В вас так много безбурно-осеннего
 От аллеи, где кружат листья. (I, 156)

Уже эта архаизирующая и "романсовая" характеристика объясняет отчасти обращение к стилистике "штампа" в стихах, посвященных М. Кузьминой-Караваевой. Но существенно и то, что необходимость и неизбежность возвращения к "красоте Тургенева" были темой выступлений Анненского в Обществе ревнителей художественного слова осенью 1909 года. Анненский говорил об этой "красоте" как "отрицании цинизма", как о "мудрой стыдливости" - новом ресурсе поэзии, как об "агностицизме по отношению к тайне" ("тайной нельзя играть, как кубарем"). Какой-то поворот к этой красоте он видел в поэзии Гумилева и Кузьмина. Как можно видеть, этим предвосхищались, если не подсказывались программы кларизма и акмеизма. Обращение к этому кругу идей у Гумилева в мае 1911 - после конфликта с Вяч. Ивановым и в поисках антисимволистской программы - вполне вероятно (заметим, что тогда же было написано им стихотворение "Двенадцатый год", завершающееся отсылкой к Тургеневу:

Но только б спела скрипка Муция
 Песнь Торжествующей Любви.)

"Установка на Анненского" объясняет почему в стихотворениях "В саду" и "Лиловый цветок" воспето - говоря словами позднего стихотворения Георгия Иванова -

То, что Анненский жадно любил,
 То, чего не терпел Гумилев.

"Анненское начало" активизируют и те стилевые ресурсы, которые использовал в *Нипарисовом ларце* Анненский, сформулировавший свой основной принцип в складне "Он и я":

Я, как настройщик, все лады
 Перебираю осторожно.

В число этих "ладов" входит Фет,²² но также и Апухтин,²³ и вероятно, даже Надсон.²⁴ Ср. мнение современного исследователя о стихотворении "В марте", которое могло вспомниться Вяч. Иванову после гумилевского "В саду": "Даже 80-ые годы, сформировавшие поэта, иногда дают себя знать в этой книге.

Позабудь соловья на душистых цветах
 Только *утро* любви не забудь.

Это не так плохо, как кажется на первый взгляд, но все же эти стихи несомненно напоминают Надсона. Мог их написать и Аполлон Майков...".²⁵ Видимо, подчеркнутое

авторским курсивом Анненского "утро любви" прямо отсылает к надсоновскому "Только утро любви хорошо...".

Два гумилевских стихотворения, воссоздавая конструкцию "текста Анненского", отбирают необходимые для этой конструкции словесные элементы, в частности, фетовские. Другое, соседнее (но, надо полагать, противонаправленное) стилевое движение обозначил Б.Эйхенбаум на примере стихов Вс.Рожественского: "Фет - воспринятый не через символистов, а через Иннокентия Анненского и Кузмина ("дух мелочей, прелестных и воздушных").²⁶

По рассказам Ахматовой, после первого ее чтения в Обществе ревнителей художественного слова (22 апреля 1911) Вячеслав Иванов сказал что-то вроде того, что она говорит недосказанное Анненским и возвращает те драгоценности, которые он унес с собой. Уже это могло быть подсказкой внимательному Гумилеву, когда он искал путь, отличный и от ивановского "большого стиля" и от брясовского академизма. А через полтора месяца, как мы видели, бывший наставник не без ядовитости констатировал подпадение под влияние Анненского у самого Гумилева. Перед Гумилевым открывалась возможность соединить стилистическое следование Анненскому (а также открытое цитирование, эпиграфы и т.п.) с приобретающей уже тогда характер легенды историей взаимоотношений Анненского и Гумилева.

У Анненского, не только директора гимназии, где учился Гумилев, но и его классного наставника, было много оснований следить за поэзией Гумилева.²⁷ Вместе они участвовали в царскосельском сборнике *Северная речь* (1906) и в том же году в газете *Слово*, куда их обоих привлек родственник Анненского С.В.фон-Штейн.²⁸ Тогда же началась литературная дружба (обмен новыми стихами) Гумилева и В.Кривича.²⁹ Анненский рекомендовал Гумилева в парижское семейство своей сестры, Л.Ф.Деникер, и с его племянником, французским поэтом Никола Деникером Гумилев сблизился в конце 1906 года. Связывала имена двух царскосельских поэтов и тамошняя обывательская молва.³⁰

Рецензия Анненского на *Романтические цветы* весьма благожелательна к молодому поэту.³¹ В вариантах этой рецензии затронуты несколько тем, очень важных для понимания смысловых потенциалов (не всегда реализовавшихся) поэтики Гумилева и путей, по которым отчасти пошли будущие акмеисты: "Мы любуемся римской 'улицей' в сатире Горация, в эпиграмме Марциала. За что же тогда презирать несравненно более интересный Буль-Миш или Olympia современного Парижа, да еще своеобразно отразившийся в душе Анахарсиса 20-го века". "Нравится мне еще, что у молодого автора в его маскарадном экзотизме чувствуется иногда не только чисто-славянская мрачность, но и

стихийно-русское 'искание муки', это обаятельно-Некрасовское 'Мерещится мне всюду драма', наша, специально-наша 'трагическая мораль'. Не то, чтобы я всем этим очень уж гордился, но комбинация интересна: Буль-Миш и Некрасов, и даже посерьезнее Некрасова". Завершался первый вариант словами: "И это хорошо, что он не дает словам ни расплываться, ни подвывать" - фраза, которая могла бы появиться в любой рецензии акмеистов периода их бури и натиска.

Среди этих отброшенных в окончательной редакции оценок было и наблюдение о "сентиментальности" стихотворения "Влюбленная в дьявола" (напомним слова Вяч.Иванова: "трогательное" ставил он в своей эстетике выше "прекрасного")³²: "Самая история ясна и поэт, кажется, хотел сделать ее только страшной, но она вышла чуть-чуть сентиментальной. И не знаю, кому как, а мне это нравится. Свой стиль есть".

После рецензии Гумилев писал Анненскому: "... хочу особенно поблагодарить Вас за лестный отзыв об 'Озере Чад', моем любимом стихотворении. Из всех людей, которых я знаю, только Вы увидели в нем самую суть, ту иронию, которая составляет сущность романтизма и в значительной степени обусловила название всей книги. (...) Еще раз бесконечно благодарю Вас за те усилия, которые Вы сделали, чтобы помочь мне осознать свое творчество и подвинуть меня так на много 'по тернистому пути славы'".

Летом 1909 года Анненский писал о Гумилеве³³ в статье "О современном лиризме". В набросках этой статьи он характеризовал молодого автора: "Поэт, может быть, и *артист слова*, более, чем лирик. Не любит театра, пьес не пишет,³⁴ ничего сознательно не стилизует, хотя сам и стилизованный - но так чутко и даже набожно начинает относиться к словам, что будто бы пережитое, всамделишное все больше походит на бутафорское. Его не подцепишь на неточности - справился заранее у сведущих людей - и никогда не выпустит Гумилев стиха вроде того, как его учитель: 'О братья: человек! бацилла! тигр! гвоздика!'³⁵ Причесано все, как следует, и с пробором". В окончательном варианте статьи разговор о Гумилеве кончался поощрительным итогом: "Он любит все изысканное и странное, но верный вкус делает его строгим в подборе декораций". Но первоначально хвала была двусмысленней: "А может быть, здесь просто *декорация*, т.е. единственно, пожалуй, законный символ переживания поэта в 24 года. Дело только в том, что Гумилев сам понимает, что дальше бутафории идти куда и не смеет, если учиться думать великому искусству".

После рассмотренного выше эпизода 1911 года Гумилев навстречу легенде не пошел и путь перепевания Анненско-

го не использовал³⁶ (что такой путь вполне реален - свидетельство тому продукция поэтов группы альманахов "Жатва")³⁷. Рабочим принципом обработки "чужого слова" для Гумилева, видимо, всегда оставалась та ирония, о которой он писал Анненскому,³⁸ и которая предполагала остраненную, отчуждающую подачу культурного штампа, обыгрывание "бутафорского" характера стиховых реалий, ощущение их как "декорации", о чем и писал Анненский. Таково, вероятно, авторское задание в стихотворении "В саду". Оно выведено в "сюжет" в другом стихотворении 1911(?) года "Когда я был влюблен...", где темой тоже является "банальное", "до-модернистское" свидание:

...Я стол к стене придвинул, на комод
Рядком поставил альманахи "Знание",
Открытки, так, чтоб даже готтентот
В священное пришел негодованье. <...>
Прелестницы, теперь я научен,
Попробуйте придти, и вы найдете
Духи, цветы, старинный медальон,
Обри Бердслея в строгом переплете. (II, 193)

У Анненского заимствованы не готовые стиховые куски, а некоторые стороны метода, близкие и со товарищам Гумилева в 1911 году, во всяком случае, очевидные для литературного сознания 1911 года. Ср. отзыв Г.Чулкова об Ахматовой: "Почти в каждом стихотворении Ахматовой, как в бокале благоуханного вина, заключен тайно смертельный яд иронии. Эта ирония отдаленно напоминает улыбку Иннокентия Анненского и Жюлья Лафорга..."³⁹ В это же время пережил сильное увлечение Анненским Мандельштам,⁴⁰ в стихах и прозе которого находим много цитат из Анненского.⁴¹ Так, в стихотворении 1911 года "Качает ветер тоненькие прутья..." стихи

И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!

возможно, восходят к уже упоминавшемуся стихотворению "Еще один", в котором говорится, что от золотой одежды Дня

Осталась бурая кайма, -
Да горький чад... воспоминанья
.....
Как обгорелого письма
Неповторимое признание.

3 декабря 1911 года на заседании Общества ревнителей художественного слова новообразованный Цех поэтов

устами Гумилева и Мандельштама заявил о своей приверженности к Анненскому.⁴²

Впоследствии Гумилев всегда образцово выполнял свои обязательства перед тенью Анненского - вспомнил о нем, приступая к редактированию литературного отдела *Аполлона* в конце 1912 (IV, 563), способствовал тому, чтобы репрезентативный сборник петербургской поэзии *Альманах муз* (1916) открывался стихотворением покойного поэта, организовал переиздание *Фамири-Нифарэда* в 1919 году и т.д. Но и полемика с Анненским проскальзывала в его разговорах. Ср. в его письме с фронта к Ахматовой от 16 июля 1915: "Я все читаю Илиаду; удивительно подходящее чтение. У ахеев тоже были и окопы, и заграждения, и разведки. А некоторые описанья, сравнения и замечанья сделали бы честь любому модернисту. Нет, неправ был Анненский, говоря, что Гомер как поэт умер".⁴³ Наконец, правдоподобны как свидетельство Г. Адамовича о разговоре летом 1921, в котором Гумилев переоценивал бывшее увлечение Анненским (называя последнего "неврастеническим" и "незначительным"), так и данное Г. Адамовичем объяснение этого отречения (борьба с конкурирующим влиянием Анненского на литературную молодежь).⁴⁴ Впрочем, и в этом Гумилев следовал убеждениям и вкусу Учителя: "... для меня нет большего удовольствия, как увидеть иллюзорность вчерашнего верования".⁴⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ссылки на опубликованные произведения Гумилева даются по *Собранию сочинений в четырех томах* (Вашингтон 1962-1968).
2. Amanda Haight, *Anna Akhmatova: A Poetic Pilgrimage* (Oxford 1976), 18.
3. Секретарь редакции *Аполлона*.
4. Гумилев впервые появился на "Башне" в ноябре 1908. 26 февраля 1909 он писал Брюсову: "Я три раза виделся с 'царицей Савской' (так Вы называли однажды Вячеслава Ивановича), но в дионисианскую ересь не совратился", а 11 мая того же года: "Вы наверно уже слышали о лекциях, которые Вячеслав Иванович читает нескольким молодым поэтам, в том числе и мне. И мне кажется, что только теперь я начинаю понимать, что такое стих". После преддуэльной ссоры Волошина и Гумилева Вяч.Иванов был на стороне второго и даже собирался вместе с ним отправиться в Африку (*Литературное наследство*, т.89 [Москва 1976], 523). В 1910 написал пространную рецензию на *Жемчуга*, но уже тогда нарастала напряженность его взаимоотношений с "молодой редакцией *Аполлона*", в том числе с Гумилевым. После конфликта в апреле 1911 ответным "ходом" Гумилева была рецензия на *Sor Ardens*, которая противопоставляла поэтику Вяч.Иванова пушкинской, при этом рецензент уклонился от разговора "о самом главном... о содержании" (IV, 268).
5. Влияние Вяч.Иванова на *Аполлон* могло конкурировать с авторитетом Гумилева только в конце 1909 - начале 1910.
6. Состав альбома М.А.Кузьминой-Караваевой любезно сообщен мне Л.В.Горнунгом, которому приношу глубокую благодарность.
7. В альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой "В саду" с заголовком "Wagun" и датой "26 мая 1911", "Лиловый цветок" с датой "29 мая (ночь)" и четвертое из посланных в этом письме стихотворений "Сон" (I, 159) с датой "3 июня".
8. *Киевская мысль*, 1910, №189, 11 июля. Впоследствии Андрей Белый (*Александр Блок и Андрей Белый. Переписка* [Москва 1940], 311-312) и Борис Садовской (*Современник*, 1912, №4) именно заветы Фета противопоставляли программе и поэзии Гумилева.
9. Незадолго до написания "В саду" в брюсовском обзоре стихов (*Русская мысль*, 1911, №2) Гумилев прочел похвалу "удачному сравнению пережитого дня с побежденным врагом" в стихотворении Николая Бурлюка "День падает, как пораженный воин..." (*Валерий Брюсов. Собрание сочинений*, т.6 [Москва 1975], 361). Можно сказать, что сравнение Н.Бурлюка не менее "брюсовское", чем сравнение Гумилева - "анненское".
10. *Развороченные черепа* (Ст.Петербург 1913), 7. См. заметку Н.И. Харджиева "Тема и метод Анненского" (Н.Харджиев, В.Тренин, *Поэтическая культура Маяковского* [Москва 1970], 197-200).
11. Вяч.Иванов, *Борозды и межи* (Москва 1916), 295. Первоначально: *Аполлон*, 1910, №4, январь.
12. *Жатва*, т.3 (Москва 1912), 202.
13. *Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастер-*

- нака (Париж 1924), 195. Цитируется статья Г.Адамовича "Памяти Анненского" (*Цех поэтов*, II-III [Берлин 1923], 95).
14. Об этом см. чрезвычайно содержательную статью: А.Н.Журинский, "Семантические наблюдения над 'трилистниками' Ин.Анненского, *Историко-типологические и синхронно-типологические исследования (на материале языков разных систем)* (Москва 1972), 106-117.
 15. Т.В.Цивьян, "Материалы к поэтике Анны Ахматовой", *Труды по знаковым системам*, т. III (Тарту 1967), 194.
 16. Ср.: "Лиловость <...> у него менее мрачна, скорее мечтательна" (Семен Карлинский, "Вещественность Анненского", *Новый Журнал*, 1967, кн.85, 75. См. также: Vsevolod Setchkarev, *Studies in the Life and Works of Innokentij Annenskij* (The Hague 1963), 139.
 17. *Саррабис*, Саратов, 1921, №3, 11. Не вошедшее в *Дикую порфиру* стихотворение Зенкевича "Волы" ("Тяжко напрягшись всем телом огромным...") тоже сопровождалось эпитафией из Анненского - последними двумя стихами из *То и Это*.
 18. *Жатва*, т.6-7 (Москва 1915), 469. В цитируемом стихотворении Ахматовой "Исповедь" цветовой эпитет и вся ситуация (взгляд сквозь фиолетовую эпитрахиль), кажется, обязаны эпизоду предсмертной исповеди Эммы Бовари.
 19. В.М.Жирмунский. Комментарии в: Анна Ахматова, *Стихотворения и поэмы* (Москва 1976), 454.
 20. О влиянии Анненского на "Облака" Адамовича см.: В.Ходасевич, "О новых стихах" (*Утро России*, 1916, №65, 5 марта), В.М.Жирмунский (*Биржевые ведомости*, 1916, №15861, 14 октября) и др.
 21. Краткую справку об отношении Анненского к Леконту де Лиль см.: А.В.Лавров, Р.Д.Тименчик, "Письма И.Ф.Анненского к С.К.Маковскому", *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год* (Ленинград 1978), 237.
 22. Ср.: "Несвязность поэтической речи, грамматическая неловкость ее сближает Анненского с Фетом..." (Э.Голлербах, "Посмертные стихи Иннокентия Анненского", *Записки Передвижного театра*, 1923, №53, 7). Ср. замечание Сергея Боброва о стихотворении "Просвет" как "репризе фетовских пейзажей" (*Печать и революция*, 1923, №3, 263).
 23. Ср. С.Бобров в рецензии на "Посмертные стихотворения" Анненского: "довольно-таки неаппетитные упражнения в стиле 90-х годов, вроде Апухтина" (*Печать и революция*, 1923, №3, 262). Ср. о "театральных страданиях" и "подчас плохом вкусе": В. Познер, "Иннокентий Анненский", *Стихотворение*, Париж, 1928, №2, 27. Ср. сближение с Пл.Кусковым и об "очень тривиальном безвкуси" в неподписанной (А.Измайлов?) рецензии на *Кипарисовый ларец*: *Биржевые ведомости*, 1910, №11809, 11 июля; *Новое слово*, 1910, №7, 153.
 24. Об использовании Анненским штампов массовой лирики 1880-1890-х годов и о скрытой в его стихах "полифонии различных голосов, говорящих на разных языках культуры" см.: Ю.М.Лотман, *Анализ поэтического текста* (Ленинград 1972), 111-113.

25. Семен Карлинский, *цит. соч.*, 72.
26. *Книжный угол*, 1921, №7, 40.
27. В полемике по этому вопросу Ник. Оцуп, как представляется, ближе к истине, чем С. Маковский. Обе точки зрения освещены в: Г. П. Струве, "Иннокентий Анненский и Гумилев", *Новый Журнал*, 1965, кн. 78, 280-282.
28. С. В. фон-Штейн и автор рецензии на *Путь конквистадоров*: *Слово*, 1906, №360, 21 января.
29. 21 января 1906 в альбом Н. В. Анненской, жены Кривича и сестры фон-Штейна, записаны два стихотворения Гумилева: "Искатели жемчуга" и "Н. В. Анненской" ("В этом альбоме писать надо длинные, длинные строки, как нити...").
30. См. в пасквиле на Гумилева ("Царица-скука"), подписанном "Пересмешник": "Это был молодой человек очень неприятной наружности и косноязычный, недавно окончивший местную гимназию, где одно время высшее начальство самолично пописывало стихи с сильным привкусом декадентщины" (*Царскосельское дело*, 1908, №2, 4 апреля).
31. *Речь*, 1908, №308, 15 декабря. Перепечатана в упомянутой выше статье Г. П. Струве. Несмотря на настойчивую просьбу редакции Анненский отказался подписать рецензию полным именем.
32. Вяч. Иванов, *Борозды и межи*, 295.
33. О разговоре с Анненским о Гумилеве летом 1909 года вспоминал К. Чуковский (*Речь*, 1909, №326, 7 декабря). Некоторые сведения о контактах Анненского и Гумилева в 1909 году см.: А. В. Лавров, Р. Д. Тименчик, *цит. соч.*, 236.
34. Возможно, намек на какой-то гумилевский "отказ от театра" весной 1909 года - еще в начале этого он обсуждал, в частности, с А. Ремизовым, возможность постановки своей драмы *Цыт короля Батиньоля*.
35. Из стих. Брюсова "Жизнь" (*Все напевы*).
36. Ср.: "Хотя его и называют учеником Иннокентия Анненского, но последний оказал на Николая Степановича, главным образом, общекультурное влияние" (А. Кондратьев, "Н. С. Гумилев", *Последние известия*, Ревель, 1927, №48, 20 февраля). Ср.: "... и совсем не по плечу ему Инн. Анненский, учеником которого он себя считает (Инн. Оксенов, *Новый журнал для всех*, 1916, №2-3, 74). Ср. мнение С. В. фон-Штейна: "Чертою некоторой сдержанной рассудочности Гумилев ближе к В. Брюсову, чем к И. Анненскому" (*Последние известия*, Ревель, 1921, №225, 16 сентября).
37. Стихи Арсения Альвинга, о которых С. Городецкий, дружественно настроенный к автору, осторожно сказал: "любовно культивирующего в поэзии методы Иннокентия Анненского" (*Гиперборей*, 1913, №6, 29), Бориса Лавренева, и особенно наиболее интересного из поэтов группы "Жатвы" В. Отроковского (см. письмо Блока к нему от 23 апреля 1913, а также некрологическую заметку и подборку его стихов: *Голос жизни*, Киев, 1918, №9-10).
38. Ср. в воспоминаниях С. Маковского об Анненском: "'Иронистом' он называл себя особенно охотно" (*Веретено I*, Берлин, 1922, 244).

39. *Утро России*, 1911, 3 декабря.
40. Комментарии Н.И.Харджиева в: *О.Мандельштам. Стихотворения* (Ленинград 1974), 255.
41. Литературу вопроса см. отчасти: Г.А.Левинтон и Р.Д.Тименчик, "Книга К.Ф.Тарановского о поэзии О.Э.Мандельштама", *Russian Literature*, 1978, VI-2, 200, 206.
42. См. ответ В.Чудовского: *Русская художественная летопись*, 1911, №20, 231.
43. Имеется в виду скорее всего один из полуэпатажных парадоксов Анненского в устных беседах. Ср. о подобном эпизоде: Н.Оцуп, *Современники* (Париж 1961), 17.
44. Георгий Адамович, "Анненский и Гумилев", *Новое русское слово*, 1965, 2 мая.
45. А.В.Лавров, Р.Д.Тименчик, *цит.соч.*, 228.